DOI 10.24411/2076–8176–2019–11984

Анатомическая коллекция Кунсткамеры Императорской Академии наук: от века осьмнадцатаго в век девятнадцатый

М.В. Хартанович

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия; markhan@kunstkamera.ru.

На основании архивных и опубликованных материалов впервые проведён комплексный анализ этапов изменения научной значимости и положения в структуре Академии наук основных коллекций, сформировавших анатомическое собрание Кунсткамеры Императорской Академии наук за период XVIII — XIX в. Это коллекция Фредерика Рюйша конца XVII — начала XVIII в. и академическая тератологическая коллекция XVIII — середины XIX в. Собран комплексный материал, показывающий динамику перехода коллекций в статус памятника истории науки. Коллекция Рюйша наглядно, эстетично, объёмно давала представление о строении человеческого тела. Рюйш использовал художественно-эстетические приёмы: декорирование тканями, украшения, создание композиций из препаратов по анатомии человека и животных, растений; всё это привлекало широкую аудиторию. Инъецирование кровеносных сосудов окрашенной массой позволяло разглядеть без микроскопа самые тонкие структуры. Если коллекция Рюйша постепенно становилась памятником создания Академии наук, эпохи Петра I, истории европейской анатомии, то исследовательский интерес к тератологической коллекции не иссякал и в первой половине XIX в.: с этим собранием работали академики П.А. Загорский, К.Э. фон Бэр. В дальнейшем не раз поднимался вопрос о передаче его Медико-хирургической академии в качестве наглядных пособий. За сохранение этих коллекций в стенах Академии наук выступали директор Анатомического кабинета К.Э. фон Бэр, директор Музея антропологии и этнографии В.В. Радлов.

Ключевые слова: Кунсткамера, анатомическая коллекция, Ф. Рюйш, К.Э. фон Бэр, К.Ф. Вольф, И.Г. Дювернуа, П.А. Загорский.

Анатомическое собрание Кунсткамеры Императорской академии наук: препараты голландского анатома Фредерика Рюйша (1638–1731) и тератологическая коллекция, собиравшаяся по указу Петра I от 13 февраля 1718 г. «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей...», находились у истоков создания музея как научной «лаборатории» Академии наук. В «Проекте положения об учреждении Академии наук и художеств» Петра I имеются указания: «а чтоб академики в потребных способах недостатку не имели, то надлежит, дабы библиотека и натуральных вещей камора академии открыта была» (Сухомлинов, 1885, с. 19).

С ходом времени и развитием научного знания значение этих коллекций Кунсткамеры как для исследований, так и в качестве наглядных пособий претерпевало существенные изменения. В настоящей статье будет предпринята попытка выявить этапы в истории анатомического собрания Кунсткамеры в XVIII в. — первой половине XIX в.,

когда академик по кафедре зоологии и директор Анатомического кабинета Академии наук Карл Эрнст фон Бэр дал исчерпывающее определение значению этих собраний в истории музея Академии наук.

Коллекция голландского анатома Ф. Рюйша была куплена в 1717 г. как одно из наглядных пособий для популяризации достоверного, очевидного знания, становления науки и просвещения в России.

«Vene, vidi et judica nil tuis crede oculis» — «Приди, смотри и суди, не верь ничему, кроме собственных глаз» (Дриссен-ван хет Реве, 2015, с. 124) — таким был девиз Рюйша. В этом девизе отражается тип науки и метода производства знаний Нового времени, опирающегося на опыт и непосредственное наблюдение, где критерием истины служит не догма, а очевидность. Изобретение микроскопа, открытие системы кровообращения усиливали интерес к изучению человеческого тела, строению организма и отдельных органов, их функций.

Занятия анатомией, привлечение в анатомические театры широкой публики требовали усовершенствования методов сохранения и показа препаратов. Умение искусно провести вскрытие, сопроводить демонстрацию красноречивой лекцией, эстетично представить результаты создавали славу мастерам анатомии.

Одним из чудес Нидерландов современники называли музей анатомических препаратов Ф. Рюйша (Ruestow, 1996, c. 98). Усовершенствованная Рюйшем методика инъецирования кровеносных сосудов позволяла не только сохранять препараты длительное время, но и поддерживала близкий к прижизненному внешний вид препарированных частей тела. Восхищала современников и возможность увидеть без микроскопа, благодаря восковым инъекциям, тончайшие материи организма человека, в частности разнообразие сосудистой сети: «они [органы] как будто говорили: вы долго ошибочно представляли нас другими, теперь вы можете увидеть нас сзади, спереди, снизу и сверху: теперь скажите, каковы мы, те, кто день и ночь заняты тем, что поддерживаем вас [вашу жизнь]» (Ibid).

Приобретённое Петром I собрание Рюйша состояло из следующих тематических сводов:

1. Thesaurus de cute (препараты кожи);
2. Thesaurus de myologia (препараты мускул);
3. Thesaurus de cerebro (препараты мозга);
4. Thesaurus de sensibus (препараты органов чувств);
5. Thesaurus de pulmone et corde (препараты органов дыхания и кровообращения);
6. Thesaurus de stomacho et intestinis (препараты желудка и кишечника);
7. Thesaurus de hepate spleen et pancreate (препараты печени, селезенки и поджелудочной железы);
8. Thesaurus de renibus et vesica urinaria (препараты почек и мочевого пузыря);
9. Thesaurus de genitalibus maris (препараты мужских половых органов);
10. Thesaurus de partibus genitalibus foeminae (препараты женских половых органов);
11. Thesaurus de involucris foetuum (препараты оболочек плодов);
12. Thesaurus de embryonibus et foetibus (препараты эмбрионов и плодов);
13. Thesaurus de affectus corporis et monstris (препараты патологически изменённых органов и «монстры»);
14. Thesaurus osteologicus (остеология).

Время Ф. Рюйша — время «элегантной анатомии». Анатом мастерски скрывал неприятные для зрителя моменты препарирования, прикрывая место отсечения

конечностей от тела салфетками с кружевами, надевал воротнички и чепчики на шейки и головки мертвых детей. Он создавал композиции, комбинируя препараты органов человека, животных, растений, которые также вошли в купленное Петром I собрание.

Подобный Theatrum Scientiarum привлекал внимание широкой публики, прославлял как искусство анатома, так и просвещённость владельца собрания.

Перед посетителем Кунсткамеры раскрывался самый современный, объёмный, цветной эстетичный «анатомический атлас», где без микроскопа можно было увидеть самые тонкие структуры человеческого тела.

Дальнейшее развитие анатомической коллекции Кунсткамеры в первые десятилетия работы Академии наук было связано с Иоганном Георгом Дювернуа (1691–1759), выпускником Тюбингенского университета, первым анатомом, поступившим на службу в Императорскую Академию наук в Санкт-Петербурге. Он занимался описательной анатомией и патологической анатомией, читал лекции из разных областей наук. Однако остановимся на работах и экспонатах, связанных с Кунсткамерой.

По всей вероятности, первым препаратом такого рода, выполненным И.Г. Дювернуа, был глаз тюленя с мышцами. Он был продемонстрирован Конференции Академии наук в мае 1726 г. (Невская, 2000, с. 49).

В конце 1727 г. Дювернуа выступил на Конференции Академии с рядом докладов о результатах анатомирования слона: об открытии желез в сердце слона и обнаруженных им железах в лёгких этого животного. Органы были продемонстрированы собравшимся на Конференцию 19 марта 1728 г. (там же, с. 68). Основываясь на опытах с сердцем слона, Дювернуа проводил сравнительно-анатомические исследования природы и функции сердца (Копелевич, 1973, с. 205).

В октябре 1728 г. на публичной ассамблее Академии наук Дювернуа представил сравнение кости слона с костями мамонта, хранившимися в Кунсткамере, и пришёл к заключению об их родстве (Иванов, 1973, с. 213). И.Г. Дювернуа и далее не оставил интереса к исследованию вопроса о «вымерших видах». В том же 1728 г. он обратился к президенту Академии наук Л.Л. Блюментросту (1692–1755) с просьбой собирать сведения об условиях обнаружения мамонтов: В какой местности их находят? Каково их положение, и на какой глубине их раскапывают? Не осталось ли таких животных, «которыя бы имели сходство с ископаемыми?» (Пекарский, 1870, т. 1, с. 175).

Слоны и другие редкие животные, окончив свой век, поступали в анатомический театр Академии наук из царского зверинца. Анатомическим вскрытиям редких животных пробовали придать публичный характер. 13 июля 1728 г. газета «Санкт-Петербургские ведомости» оповещала о том, что И.Г. Дювернуа получил указ анатомировать умершего в царском зверинце льва и доложить о причинах смерти животного. Органы льва должны были зарисовать художники Г. Гзель и И.К. Генингер (Хартанович, Хартанович, 2014, с. 75).

В феврале 1731 г. Дювернуа демонстрировал препараты органов летучей мыши и рассказал об изучении функций её желудка (Невская, 2000, с. 98). 23 октября 1732 г. «Санкт-Петербургские ведомости» объявили о публичном анатомировании тела тюленя, которое будет проводить Дювернуа в присутствии членов Академии и всех интересующихся (Хартанович, Хартанович, 2014, с. 90). В 1733 г. Дювернуа изучал скелет кита, доставленный (в несобранном виде) в Кунсткамеру из Колы в 1726 г. (Невская, 2000, с. 130), а в декабре 1734 г. провёл анатомирование кита вместе с И. Амманом (1707–1741) и Й. Вейтбрехтом (1742–1747) для последующего общего «физического и исторического» описания. Органы кита были зарисованы худож-

ником Академии наук Георгом Гзелем (1673–1740) (Сухомлинов, 1886, с. 535–536). Осенью 1736 г. Дювернуа зачитал трактат о китёнке, обращая внимание на исследование глаз и циркуляции в нём жидкости, на изучение органов слуха, органов дыхания и на роли плавательного пузыря у рыб. При этом рассматривались аналогии между пузырём рыбы и мочевым пузырём человека (Невская, 2000, с. 177). Весной 1738 г. Дювернуа представил академии препарат глаза совы и рассказал об особенностях её зрения (там же, с. 211).

Летом 1739 г. Дювернуа вскрывал страуса, присланного в Академию наук 21 июля[1].

В 1741 г., по истечении срока контракта с Академией наук, анатом решил вернуться в Германию. Перед отъездом, летом 1741 г., он представил Конференции Академии наук некоторые итоговые работы: «Опыт некоторых вскрытий животных при Петербургской Академии», «Наблюдение о льве, вскрытом при Академии в 1728 г.», «Наблюдения об американском четвероногом из семейства кошачьих, вскрытом при Академии». Он также передал Академии список неопубликованных работ. Среди них была работа о слоне (на семи листах с 17 таблицами-иллюстрациями), под общим титулом «Изследования, учиненныя над некоторыми животными при академии»; работу о страусе (на двух листах с 16 таблицами-иллюстрациями) под общим титулом «Опыт о разных птицах, которых Аристотель относил к разным видам тетерева, а именно: над тетеревом, удодом, трухтаном и струсом»; работу «О ките» (на 19 листах с 15 таблицами-иллюстрациями). Эти материалы были переданы в архив Академии (Сухомлинов, 1887, с. 687–691).

Уезжая, Дювернуа передал в архив и перечень препаратов, изготовленных для Кунсткамеры: это были препараты по анатомии слона (кожа, органы зрения, хобот, органы размножения, дыхания, кровообращения и пищеварения) и льва (органы зрения, пищеварения, кровообращении, размножения). Отметим, что Дювернуа применял метод инъецирования сосудов, на что указывает описание препаратов из перечня «анатомических вещей», переданных в Кунсткамеру: препаратов глаза, сычуга, желудка, печени, толстой кишки слона, сердца льва. В качестве красящего вещества упоминается ртуть (Сухомлинов, 1887, с. 691–693).

Общее представление о составе препаратов анатомического театра даёт каталог, датируемый 27 июля 1744 г.[2] Это спиртовые и сухие препараты органов страуса, курицы домашней, лягушки, обезьяны, тигра, кота домашнего, слона, зайца; скелеты нерпы, льва, пантеры, волка, лисицы, страуса, кита, выполненные И.Г. Дювернуа, И. Х. Вильде.

Препараты по анатомии животных и человека, изготовленные именно И.Г. Дювернуа, составляли отдельный раздел. Он включал препараты различных органов кита, страуса, нерпы, моржа, слона, льва, тигра, а также препарированные органы человека: препараты евстахиевых труб, глаз, мускулатуры головы, кишечника, лёгких, зародыша человека, гениталий гермафродита, кости скелета ребёнка[3].

Анатом И.Х. Вильде (1700–1760) изготовил препараты головы человека, шеи и грудной клетки, органов брюшной полости, гениталий[4].

---

[1] Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН). Р. I. Оп. 4. Д. 16.

[2] СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 11.

[3] Там же. Л. 19–20.

[4] Там же. Л. 22–33 об.

Таким образом, к концу 1740-х гг. в Кунсткамере анатомические коллекции представляли два направления:

— наглядность и популяризация: коллекция препаратов Ф. Рюйша, созданных в конце XVII — начале XVIII века как произведение искусства анатомии для показа широкой аудитории;
— исследование: препараты, изготовленные профессорами Академии наук как часть научной работы с представлением её результатов академическому кругу и с публикацией их в академическом журнале.

В 1747 г. в здании Кунсткамеры произошёл пожар. На время восстановления здания спасённые коллекции были перевезены в дом Демидова, и постепенно возвращались в историческое здание к середине 1760-х гг.

Пожар, переезды сказались на анатомическом кабинете Кунсткамеры: он находился «не в желаемом порядке и после большого пожара ерлыков многих на склянках не находится» (Хартанович, Хартанович, 2014, с. 395). В сентябре 1789 г. президент Академии наук Е.Р. Дашкова (1744–1810) поручила академику К.Ф. Вольфу (1733–1794) привести кабинет и каталог в порядок (там же, 2014, с. 395). Вольф использовал печатный каталог Кунсткамеры и отчёт ревизии, проведённой непосредственно после пожара. В конце 1792 г. отчёт Вольфа был переведён на русский язык и дал ценный материал по состоянию коллекции на то время (там же, с. 646–649). На тот момент анатомический кабинет, состоявший до пожара из 2145 препаратов, включал 1887 препаратов. Согласно ревизии, проведённой непосредственно после пожара, было утрачено 142 предмета. Однако Вольф обнаружил 33 из этого списка, таким образом, утраты в результате пожара составили 109 предметов.

Вольф пришёл к выводу, что в первую очередь спасали наиболее ценные, а именно «зародыши и уроды почитались всегда за самые лучшие и важнейшие редкости». Наибольшее количество потерь было среди «костей и болезнями попорченных частей телесных, которые почитаются за гораздо маловажнейшие» (Хартанович, Хартанович, 2014, с. 647). В части костных препаратов было утрачено 54 предмета, среди препаратов патологически изменённых органов — 49.

При сравнении данных ревизии, выполненной непосредственно после пожара в декабре 1747 г., Вольф учёл и такие факторы: желание уменьшить показания потерь и понятное замешательство, приведшее к ошибкам в ревизии.

Вольф отметил, что ревизию затруднял большой беспорядок в препаратах, были утрачены музейные номера и поставлены неправильные, спиртовые препараты были перемешаны: разные препараты были помещены в одну банку, их приходилось распознавать и разделять.

В заключении Вольф писал, что всё было приведено в надлежащий порядок и расставлено по местам, музейные номера были восстановлены.

Во исполнение указа Петра I «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей» в Академию наук присылались препараты врождённых пороков развития человека и животных, что способствовало накоплению корпуса данных.

Так, к примеру, в 1749 г. Конференции был представлен доклад профессора анатомии и физиологии Авраама Каау-Бургаве (1715–1758)«Historia anatomica ovis pro hermaphrodito habiti» (Анатомическое описание барана, принятого за гермафродита) (Kaau-Boerhave, 1750, с. 315–336). В нём была изложена история дискуссионного обсуждения вопроса о гермафродитизме мальчиков из Сибири, привезённых в 1743 г. в Академию наук из Красногорского острога. Каау-Бургаве представился случай найти

аналогию при сравнительном анатомическом изучении доставленного в Академию барана «с внешним видом как у гермафродита» и анатомического описания мальчиков, которые к тому времени уже были возвращены в Сибирь. Медик провёл вскрытие барана и убедился, что животное было самцом, но с деформацией наружных половых органов. Сопоставление анатомических рисунков аномалий половых органов мальчиков с внешним строением органов барана давало основание считать, что у мальчиков был только наружный дефект развития гениталий. Кааy-Бургаве отмечал, что в подобных исследованиях недоставало результатов описания внутреннего анатомического строения ложных и истинных гермафродитов. Анатом изготовил препарат гениталий барана, были также сделаны рисунки животного.

В трудах К.Ф. Вольфа по изучению случаев врождённых пороков развития с точки зрения эпигенеза нашла применение пополнявшаяся препаратами тератологическая коллекция Кунсткамеры, например в опубликованном описании двухголового теленка с размышлениями о происхождении уродов (Wolff, 1773, с. 542–578).

С 1778 по 1783 г. Вольф работал над большим трудом по истории уродов в свете общих вопросов развития организмов, который остался незаконченным. План этой работы — «Distributio operis» («Разделение труда») даёт представление о масштабе исследования этой темы.

Первая часть имела заголовок «Анатомия уродов, с добавлением схолиев[5], непосредственно следующих из анатомии». Часть вторая «Физиология или о природе и происхождении уродов» должна была состоять из следующих глав:

глава 1 — «Об естественных порядках уродов», включающая классификацию этих существ;

глава II — «О зарождении животных», включающая размышления Вольфа о теории органического развития;

глава III — «О порождении уродов»: изложение сочинений Вольфа на эту тему и история изучения монстров европейскими медиками Альбрехтом Галлером, Жозефом-Гишаром Дювернеем, Жакоб-Беньином Винсловом, Луи Лемери и Жаном Мери;

глава IV — «О природе передачи потомству при порождении», в основу которой должна была лечь рукопись «Objecta meditationum pro theoria monstrorum»;

глава V — «О душах уродов» подразумевала схолии к описанию некоторых уродов;

глава VI — «О цели уродов» — объективное и беспристрастное, с точки зрения Вольфа, изложение причин появления уродов как неудач природы в попытках созидать нечто новое (Гайсинович, 1961, с. 526–533).

Для исследовательских работ Вольф использовал тератологические препараты Кунсткамеры, которые продолжали присылаться в Академию наук согласно указу Петра I; необходимость таких препаратов была подтверждена и распоряжением Екатерины II: «Инструкция сотскому со товарищи» от 19 декабря 1774 г. содержит пункт 22 «О монстрах и о куриозных птицах и зверях», в котором, в целом, были повторены основные положения указа 1718 г.[6] Таким образом, анатомическое собрание Кунсткамеры прирастало преимущественно препаратами по тератологии, что отражало научно-исследовательские интересы хранителя Анатомического кабинета.

---

[5] Схолия — примечание, пояснение к тексту.

[6] Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. 1830. Т. 19. С. 1079.

После кончины К.Ф. Вольфа в 1794 г. для анатомических коллекций Кунсткамеры наступил весьма неблагоприятный период. Более десяти лет Анатомическим кабинетом никто не занимался. В 1805 г. в должность заведующего кабинетом вступил профессор Медико-хирургической академии анатом Пётр Андреевич Загорский (1764–1846), адъюнкт по кафедре анатомии и физиологии (с 1805), ординарный профессор (с 1807) Императорской Академии наук.

П.А. Загорский, служа как в Академии наук, так и в Медико-хирургической академии, занимался разработкой русской анатомической терминологии, которая, к примеру, была опробована при каталогизации анатомического кабинета Кунсткамеры. 22 июня 1814 г. Загорский представил Конференции Академии наук дополненный и переведённый на русский язык латинский каталог анатомического собрания. Было решено публиковать латинский оригинал и русский перевод параллельно, в столбцах (Хартанович, Хартанович, 2014, с. 483).

Однако материалы по русскоязычному анатомическому каталогу выявить в архивах не удалось. Возможно, некоторое представление о терминологии может дать рапорт о состоянии Анатомического кабинета от 12 ноября 1828 г. (там же, с. 657–658).

Загорский внёс существенные изменения в состав и содержание препаратов Фредерика Рюйша. На том же заседании Конференции 22 июня 1814 г. он предложил разделить художественные анатомические композиции, состоявшие из комбинации препаратов по анатомии человека и препаратов по зоологии и ботанике. Таким образом «чужеродные» анатомии человека препараты животных и растений, были изъяты из сосудов. Первоначальные замыслы и композиции ряда препаратов были утрачены. Тем не менее в коллекции Рюйша по сей день сохранились немногочисленные препараты, которые могут дать представления о таких композициях, например, МАЭ № 4070-56 (спиртовой препарат стопы ребенка и трёх скорпионов), МАЭ № 4070-807 (спиртовой препарат плода человека и плода животного), МАЭ № 4070-447 (спиртовой препарат части слизистой пищевода на веточке растения) и др.

П.А. Загорский изучал тератологические коллекции Императорской Академии наук и Медико-хирургической академии. В сочинении «Обозрение разнообразных человеческих уродств» (Загорский, 1812, с. 265–277) Загорский предложил классификацию уродств и рассуждал о причинах их возникновения, которые заключались в случайности и ошибках природы.

Таким образом, первые десятилетия XIX в. ознаменовались утратой интереса к декоративной части анатомического собрания, представлявшего наследие конца XVII — начала XVIII в., и сохранением и усилением исследовательского интереса к развитию собрания препаратов врожденных пороков развития.

В 1842 г. Анатомический кабинет Академии наук возглавил академик по кафедре зоологии Академии наук Карл Эрнст фон Бэр. Бэр интересовался аномалиями развития животных и человека в связи с работами по эмбриологии, считая, что такие случаи могут помочь в понимании законов развития зародышей: «С тех пор, как я начал догадываться, что и органические уродства не являются неопределённым произволом образующей силы, а лишь нарушениями закономерного развития, стало необходимым научное исследование рода этих нарушений и уклонений» (Канаев, 1951, с. 76).

Со времён преподавательской деятельности в Кенигсберге в 1820-х гг. в поле интересов учёного входила и проблема происхождения двойниковых уродств. Он отрицал бытовавшее мнение, что причиной тому служит сращение двух эмбрионов и утверждал, что они образовываются путём расщепления прежде одиночного зародыша (Бляхер, 1955, с. 261–262).

К. Бэр вёл картотеку случаев врождённых пороков развития, делая выписки из европейских периодических изданий: «Archiv für Anatomie und Physiologie von Johann Friedrich Meckel» (Берлин), «Annales des sciences naturelles. Zoologie» (Париж), «Philosophical Transactions» (Лондон) и др.[7]

В Санкт-Петербурге, продолжив исследования общих законов развития организмов, 8 марта 1844 г. Бэр представил собранию Академии наук доклад «Über Doppelleibige Missgeburten oder Organische Verdoppelungen in Wirbelthieren» (О двойниковых уродах или органическом удвоении у позвоночных). Доклад поддерживал теорию о происхождении соединенных близнецов из изначального одного эмбриона, а не путем срастания двух изначально отдельных зародышей. Бэр выявил закономерность в соединениях близнецов: «Каждое так называемое сращение двух индивидуумов обнаруживается только в одноименных частях, и даже если эти индивидуумы повернуты по отношению друг к другу, то между ними имеется линия соединения из одноименных частей» (Канаев, 1951, с. 76). Это «правило Бэра» соединения близнецов, как его назвал советский биолог-генетик, историк науки И.И. Канаев (1893–1984), свидетельствовало в пользу закономерного, а не случайного образования таких близнецов (Канаев, 1951, с. 76).

15 марта 1844 г. на заседании Академии наук Бэр информировал собрание о том, что указ Петра I «О приносе родившихся уродов, также найденных необыкновенных вещей... » оказался в забвении, вследствие чего тератологическая коллекция пополнялась новыми препаратами крайне редко. 19 марта 1848 г. Академия наук в письме в Медицинский департамент подтвердила необходимость присылки в Академию наук уродов. Для сокращения переписки и экономии времени Академия просила Департамент предписать врачебным управам уведомлять Академию о родившихся уродах и присылать описания. По этим документам Академия будет решать, нужно ли изготавливать препарат и возмещать расходы на пересылку[8].

В 1850 г. над анатомическим собранием Ф. Рюйша нависла угроза покинуть Академию наук. 19 июня 1850 г. вице-президент Академии М.А. Дондуков-Корсаков (1794–1869) писал непременному секретарю П.Н. Фусу (1798–1855) о том, что члены правления осмотрели нижний ярус здания Кунсткамеры, где оставались анатомические препараты и некоторые этнографические предметы. Комитет правления пришёл к заключению, что необходимости в анатомической коллекции в Академии больше нет, и её следует отдать Медико-хирургической академии для демонстрации учащимся:

> Как разные вещи по-видимому от времени подвергаются порче и для Академии ныне едва ли могут быть полезными, то Комитет со своей стороны полагает Анатомическую коллекцию, купленную Петром I в Голландии, передать Медико-хирургической академии, где она будет полезна учащимся, а Академия удалением ненужных предметов приобретет большое помещение для необходимых ей коллекций и много хороших шкафов (Лукина, 1975, с. 23).

31 августа 1850 г. Физико-математическое отделение Академии наук, в ведении которого находилось естественно-научное направление деятельности Академии, послало вице-президенту Академии М.А. Дондукову-Корсакову настоятельное требование не передавать Медико-хирургической Академии коллекцию Ф. Рюйша:

[7] СПбФ АРАН. Ф. 129. Оп. 1. Д. 197. Д. 198.

[8] Там же. Ф. 2. Оп. 1–1847. Д. 11. Л. 4.

> Коллекция Рюйша, купленная Петром I, ныне не может иметь научного достоинства или пользы ни для Академии наук, ни для Медико-хирургической академии, но для первой имеет высокое историческое значение как первый зачаток нашего музеума, первое семя науки, брошенное державною рукой бессмертного преобразователя России. Добровольная передача в другие руки была бы мерою не совсем приличною (там же, с. 24–25).

Столь непростая ситуация с положением анатомического собрания в музее Академии наук обратила внимание Бэра на историю этого собрания и анализ его места и значения для музея середины XIX века.

20 сентября, 4 и 18 октября 1850 г. Бэр выступил на заседании Физико-математического отделения Академии с серией докладов «Über den jetzigen Zustand und die Geschichte des Anatomischen Cabinets der Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg» (О современном состоянии и истории Анатомического кабинета Академии наук в Санкт-Петербурге) (Руссов, 1900, с. 111–149).

В докладе он высказал мнение, что невольный диктат структуры экспозиции, заданный структурой коллекции Ф. Рюйша, не лучшим образом повлиял на увеличение собрания Кунсткамеры по нормальной анатомии человека. Бэр попытался составить список препаратов Анатомического кабинета. При сверке коллекции он нашёл три сосуда с препаратами зародышей цыплят на разной стадии развития, выполненные К. Ф. Вольфом, изучавшим вопросы развития организмов. Бэр попытался зарегистрировать найденные препараты, но не нашёл ни подходящую рубрику в каталоге, ни место в тематическом шкафе. Это навело его на мысль о том, что развитие коллекции по нормальной анатомии в XVIII в. было заторможено из-за жёсткой заданности рубрик собрания и экспозиции. К примеру, во времена Ф. Рюйша не существовало раздела синдесмологии — учения о суставах, сочленениях и связках человеческого скелета. Это направление разрабатывал Й. Вейтбрехт, но места в структуре экспозиции для его препаратов не было.

Добавлению новых препаратов на экспозиции препятствовало и устройство шкафов: на них были сделаны надписи золотыми буквами, соответствовавшие разделам каталога Рюйша, кроме того полки были сделаны для сосудов определённых размеров, и «втиснуть» препарат на подходящее для него место было невозможно без нарушения порядка. Тем не менее ряд препаратов по сравнительной анатомии животных, выполненных анатомами Академии наук XVIII в., попали и на экспозицию, и в первый каталог Кунсткамеры как бы «нелегально», в обход, по мнению Бэра, жёстких правил. Бэр отметил, что часть препаратов была утеряна из-за ненадлежащего хранения: сосуды не были герметичны, на многих имелись трещины, что привело к испарению консервирующего раствора и утрате препаратов. По его мнению, такое положение дел было обусловлено тем, что хранением коллекции занимались не анатомы, а немногочисленные служители Академии, которые в силу понятных причин не могли выделить наиболее ценные препараты и обеспечить их хорошим хранением, а не имеющие ценности оставить на волю судьбы. Свою спасительную роль для многих препаратов сыграла масса, которой Ф. Рюйш инъецировал препараты — инъецированные препараты мягкой мозговой оболочки практически не пострадали (там же, с. 139–140).

К. Бэр рассуждал о причинах и принципах хранения анатомических препаратов в научных коллекциях.

К ним относились:

- научная значимость как объектов исследования и сравнения;
- наглядность, значимость для преподавания и обучения;

— использование для оценки новейших или спорных открытий;
— историческая значимость: ценность как памятника выдающимся анатомам и их искусству (там же, с. 142).

Научной и дидактической значимостью в анатомическом собрании, по мнению Бэра, обладали коллекция монстров, препараты патологических изменений тканей и органов, препараты по сравнительной анатомии, собрание эмбрионов, часть инъекционных препаратов, где всё необходимое можно было рассмотреть без использования микроскопа. Большинство препаратов анатомической коллекции Бэр отнёс к сфере истории и как памятник искусству и упорству Ф. Рюйша (там же, 1900, с. 143–144).

Значение анатомической коллекции Академии наук преимущественно как памятника истории науки и просвещения эпохи Петра I было ещё раз подтверждено в конце XIX века.

В 1898 г. в связи со столетним юбилеем Военно-медицинская академия обратилась в Академию наук с предложением пожертвовать ей академические коллекции по нормальной и патологической анатомии для использования в учебных целях (Радзюн, Хартанович, 2012, с. 14).

Директор Музея антропологии и этнографии востоковед В.В. Радлов (1837–1918) отказал в таком жертвовании, завершая обоснование своего решения следующим весомым и исчерпывающим аргументом:

> Отказываясь от оценки этих коллекций с точки зрения современной антропологии, я, тем не менее, осмеливаюсь утверждать, что они имеют громадное значение для истории наук в России. Начало положено им самим Петром Великим, и они служат живым и осязательным памятником заботливости его о развитии просвещения в России. Как член старейшего русского ученого учреждения, основанного тем же государем, я считал бы обязанностью Академии наук хранить это наследие преобразователя России при основанном им же ученом учреждении, даже если б в глазах современных ученых оно потеряло всякое научное значение. Хранить до тех пор, пока его не истребит время (цит. по: Радзюн, Хартанович, 2012, с. 18).

Таким образом, ко второй половине XIX в. анатомическое собрание Императорской Академии наук приобрело значение памятника, относящегося к истории создания и становления Академии наук в России, истории европейской анатомии.

Литература

Бляхер Л.Я. История эмбриологии в России с середины XVIII до середины XIX века. М.: Изд-во АН СССР, 1955. 379 с.

Гайсинович А.Е. К.-Ф. Вольф и учение о развитии организмов (в связи с общей эволюцией научного мировоззрения). М.: Изд-во АН СССР, 1961. 548 с.

Дриссен-ван хет Реве Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах. СПб.: МАЭ РАН, 2015. 364 с.

Загорский П.А. Обозрение разнообразных человеческих уродов (представлено Академии 1811 г. октября 9 дня) // Умозрительные исследования. 1812. Т. 3. С. 265–277.

Иванов А.Н. В.Н. Татищев о мамонте // Из истории биологии. Вып. 4. М.: Наука, 1973. С. 209–218.

Канаев И.И. Работы К.М. Бэра о соединенных близнецах и о некоторых других аномалиях развития // Природа. 1951. № 4. С. 75–80.

Копелевич Ю. Х. К истории первых анатомических работ Петербургской Академии наук (по архивным материалам) // Из истории биологии. 1973. Вып. 4. С. 204–208.

Лукина Т.А. (сост.) Карл Бэр и Петербургская академия наук: Письма деятелям Петербургской Академии. Л.: Наука, 1975. 247 с.

Невская Н.И. (отв. ред.). Летопись Российской академии наук: Том 1. 1724–1802 / Сост. и пер. Е.Ю. Басаргина, Л.И. Брылевская, Ю.Х. Копелевич, А.Б. Кузнецова, Н.И. Невская, Е.П. Ожигова, Г.И. Смагина, С.Ю. Трохачев. СПб.: Наука, 2000. 994 с.

Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук. Т. 1. 1870. 774 с.

Полное собрание законов Российской империи: Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830. Т. 19. 1081 с.

Радзюн А.Б., Хартанович М.В. Академик В.В. Радлов и анатомические коллекции Кунсткамеры // Радловский сборник: научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2011 г. / Отв. ред: Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2012. С. 14–18.

Руссов Ф.К. (сост.) Материалы для истории этнографических и антропологических исследований Императорской Академии наук. Сборник Музея по антропологии и этнографии при Императорской Академии наук. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. АН, 1900. 153 с.

Сухомлинов М.И. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. АН. Т. I. 1885. 732 с.

Сухомлинов М.И. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. АН. Т. II. 1886. 912 с.

Сухомлинов М.И. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб.: Тип. Имп. АН. Т. IV. 1887. 824 с.

Хартанович М.В., Радзюн А.Б. О коллекции монстров Кунсткамеры Императорской академии наук XVIII века: от собирания до научного осмысления // Историко-биологические исследования. 2017. Т. 9. № 2. С. 37–52.

Хартанович М.Ф., Хартанович М.В. (авт.-сост.) Летопись Кунсткамеры. 1714–1836 / Отв. ред Н.П. Копанева, Ю.К. Чистов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. 740 с.

Kaau-Boerhave A. Historia anatomica ovis pro hermaphrodito habiti // Novi Commentarii Academiae Scientarum Imperialis Petropolitanae. Vol. I. Petropoli, 1750. P. 315–336.

Ruestow E.G. The Microscope in the Dutch Republic. The Shaping of Discovery. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1996. 364 p.

Wolff C.F. Descriptio vituli bicipitis, cui accedit commentatio de ortu monstrorum // Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae. Vol. 17 (1772). Petropolis, 1773. P. 542–578.

Anatomical Collection of the Kunstkamera of the Imperial Academy of Sciences: through the XVIII to the XIX centuries

MARIA V. HARTANOVICH

Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera),
Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russia; markhan@kunstkamera.ru.

Based on archival and published materials the author makes the first a complex analysis of the stages of transformation of the academic meaning and position of the Imperial Academy of Sciences anatomical collection in the 18th — first half of the 19th century. The research focuses on both the anatomical collection of Frederick Ruysch and the teratological collection of the Kunstkamera of the Imperial Academy of. The Frederick Ruysch collection gave an aesthetic appreciation of the structure of the human body.

Ruysch used artistic and aesthetic techniques, such as: decorating the specimens with fabrics, and creating compositions of the anatomy of humans, animals and plants, which attracted a wide audience. Injection of blood vessels with a colored mass made the finest structures evident without a microscope. Whereas the collection of Frederick Ruysch gradually became a monument to the establishment of the Academy of Sciences in Russia, the era of Peter the Great, the history of European anatomy, the research interest in the teratological collection had not stagnated in the first half of the 19th century. Academicians Petr Zagorsky and Karl von Baer worked with it. Not once during the 19th century did the Medical-Surgical Academy ask the Academy of Sciences to hand the anatomical collections over to them. Director of Anatomical Cabinet Karl von Baer, director of the Museum of Anthropology and Ethnography Vasily Radloff disputed over the collections in question in the Academy of Sciences.

Keywords: Kunstkamera, anatomical collection, Frederick Ruysch, Karl Baer, Caspar Friedrich Wolff, Johann Georg Duverney, Petr Zagorsky.

References

Bliakher, L. Ia. (1955). *Istoriia embriologii v Rossii s serediny XVIII do serediny XIX veka* [History of embryology in Russian through mid-18th — to mid-19th centuries]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Drissen-van het Reve, J. (2015). *Gollandskie korni Kunstkamery Petra Velikogo: istoriia v pis'makh* [Holland routs of Peter's the Great Kunstkamera: history in letters]. St. Petersburg: MAEH RAN.

Gaisinovich, A. E. (1961). *K.-F. Vol'f i uchenie o razvitii organizmov (v sviazi s obshchei evoliutsiei nauchnogo mirovozzreniia)* [K.-F. Wolff and study on embryogenesis (in connection with general development of research ideology)]. Moscow: Izd-vo AN SSSR.

Khartanovich, M. F. & Khartanovich, M. V. (2014). *Letopis' Kunstkamery. 1714–1836* [Kunstkamera's Chronicles. 1714–1836]. St. Petersburg: MAE RAN.

Khartanovich, M. V. & Radziun, A. B. (2017). O kollektsii monstrov Kunstkamery Imperatorskoi akademii nauk XVIII veka: ot sobiraniia do nauchnogo osmysleniia [On collection of monsters of the Kunstkamera of the 18th century Imperial Academy of Sciences: from collecting through academic research]. *Istoriko-biologicheskie issledovaniia, 9*(2), 37–52.

Ivanov, A. N. (1973). V.N. Tatishchev o mamonte [V.N Tatishev on mammoth]. *Iz istorii biologii, 4*, 209–218.

Kaau-Boerhave, A. (1750). Historia anatomica ovis pro hermaphrodito habiti. In *Novi Commentarii Academiae Scientarum Imperialis Petropolitanae, vol. I* (pp. 315–336). Petropoli: n/a.

Kanaev, I. I. (1951). Raboty K.M. Behra o soedinennykh bliznetsakh i o nekotorykh drugikh anomaliiakh razvitiia [K.M. Baer's work on joined twins and on other abnormalities]. *Priroda*, *4*, 75–80.

Kopelevich, Yu. H. (1973). K istorii pervyhh anatomicheskikh rabot Peterburgskoi Akademii nauk (po arkhivnym materialam) [On the history of anatomi works of St.Petersburg Academy of Sciences (based on archive materials)]. *Iz istorii biologii, 4*, 204–208.

Lukina, T. A. (Ed.). (1975). *Karl Behr i Peterburgskaia akademiia nauk: Pis'ma deiateliam Peterburgskoi akademii* [Karl Baer and St. Petersburg Academy of Sciences: letters for St.Petersburg Academy's fellows]. Leningrad: Nauka.

Nevskaia, N. I. (ed.). (2000). *Letopis' Rossiiskoi akademii nauk: Tom 1. 1724–1802* [Chronicles of Russian Academy of Sciences. Vol 1. 1724–1802]. St.Petersburg: Nauka.

Pekarskii, P. P. (1870). *Istoriia Imperatorskoi Akademii nauk v Peterburge, t. 1* [History of Imperial Academy of Sciences in St.Petersburg, vol. 1]. St.Petersburg: Tipografia Imperatorskoi Akademii nauk.

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii: Sobranie pervoe: s 1649 po 12 dekabria 1825 goda. T. 19 [Code of laws of the Russian Empire: First Code: from 1649 by December 12, 1825. Vol. 19]. (1830). St. Petersburg: Tipografia 2-go Otdelenia Sobstvennoi E.I.V. Kantseliarii.

Radzyun, A. B. & Hartanovich, M. V. (2012). Akademik V.V. Radlov i anatomicheskie kollektsii Kunstkamery [Academician V.V. Radlov and Kunstkamera's anatomic collections]. In *Radlovskii sbornik:*

nauchnye issledovaniia i muzeinye proekty MAEH RAN v 2011 g. [Radlov's collection: research and museum projects of the MAE RAS in 2011] (pp. 14–18). Saint-Petersburg: MAE RAN.

Ruestow, E. G. (1996). *The Microscope in the Dutch Republic. The Shaping of Discovery*. Cambridge; New York: Cambridge University Press.

Russov, F. K. (Ed.). (1900). *Materialy dlia istorii etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovanii Imperatorskoi Akademii nauk. Sbornik Muzeia po antropologii i etnografii pri Imperatorskoi Akademii nauk, t. 1* [Materials for the history of ethnographic and anthropological studies of the Imperial Academy of Sciences. Collected works of the Imperial Academy's of Sciences Museum on Anthropology and Ethnography, vol. 1]. St. Petersburg: Tipografiia Imperatorskoi akademii nauk.

Sukhomlinov, M. I. (1885). (Ed.). *Materialy dlia istorii Imperatorskoi Akademii nauk, t. 1* [Materials on the history of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 1]. St. Petersburg: Tipografia imperatorskoi Akademii nauk.

Sukhomlinov, M. I. (1886). (Ed.). *Materialy dlia istorii Imperatorskoi Akademii nauk, t. 2* [Materials on the history of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 2]. St. Petersburg: Tipografia imperatorskoi Akademii nauk.

Sukhomlinov, M. I. (1887). (Ed.). *Materialy dlia istorii Imperatorskoi Akademii nauk, t. 4* [Materials on the history of the Imperial Academy of Sciences. Vol. 4]. St. Petersburg: Tipografia imperatorskoi Akademii nauk.

Wolff, C. F. (1773). Descriptio vituli bicipitis, cui accedit commentatio de ortu monstrorum. In *Novi Commentarii Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae, vol. 17* (pp. 542–578). Petropolis: n/a.

Zagorskii, P. A. (1812). Obozrenie raznoobraznykh chelovecheskikh urodov (predstavleno Akademii 1811 g. oktiabria 9 dnia) [Review of different human monsters (read for the Academy on October 9, 1811)]. *Umozritel'nye issledovaniia, 3*, 265–277.